

*Следствием
установлено*

**ДЕТЕКТИВЫ
БРЕЖНЕВСКОЙ
ЭПОХИ**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Красный
галстук,
Черный
лес

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Красный галстук, черный лес / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Следствием установлено. Детективы брежневской эпохи).

ISBN 978-5-04-235212-6

Июнь 1975 года. Западная Украина. Пионерский лагерь в глухих карпатских лесах.

После вечерней проверки исчезают трое мальчишек. Вещи на месте, постели не тронуты, будто они вышли на минуту и не вернулись. Лагерь закрытый, под охраной, для детей высокопоставленных родителей, и потому начальство просит одного: без шума. Но чем сильнее требуют, тем отчетливее проступает чужая ложь.

Из Москвы в составе оперативной группы приезжает следователь Туманский. Он сразу видит: директор переживает не за подопечных, а за карьеру, но главная фигура в лагере вовсе не он. Главный — старший вожатый Никифор Гузь по прозвищу Джон: круглые очки, непроницаемое лицо и власть, которая держится не на должности, а на страхе и привычке подчиняться. Эксперт Грайва чувствует, как в глубинах ее памяти из далекого прошлого всплывает странный мальчик, очень похожий на этого вожатого. Она не уверена, что это в самом деле он, но выяснить не успевает.

На рассвете Никифора находят висящим в лесу на дубе. На вид — самоубийство. Но экспертиза показывает: его повесили уже мёртвого.

Туманский понимает: пропажа детей и смерть Джона связаны одной тайной, которую взрослые прячут слишком старательно. Вопрос в том, чем люди готовы расплатиться, чтобы никто никогда не узнал правды.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235212-6

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

ТРОЕ ПРОПАВШИХ

Поезд Москва — Львов прибыл ровно в восемь утра. Туманский вышел на перрон и замер. Жара ударила сразу, плотная, липкая, пахнувшая рельсами и чем-то сладким. Может, липа. Может, просто западное лето, которое здесь начиналось раньше и горело ярче.

Илья Воронов сошел следом, чемодан в одной руке, папка в другой. Валя Грайва вышла из вагона последней. Туманский заметил, как она поправила волосы на затылке и как Воронов обернулся — быстро, проверяя.

На платформе их встречал человек лет сорока пяти, в летнем костюме цвета песка. Лицо усталое, глаза внимательные.

— Якименко. Следователь местной прокуратуры.

Пожали руки. Якименко говорил негромко и немногословно. Туманский сразу понял: дело для него — головная боль. Москва не нужна, но отказаться нельзя.

— Машина ждет.

«Волга» стояла на кругу у фонтана, черная, начищенная. За рулем сидел молодой парень в форме милиции, шея крепкая, волосы коротко стрижены. Якименко сел вперед и махнул рукой:

— Поехали.

Машина тронулась, город поплыл за окнами: облупленная штукатурка, вывески на украинском, редкие прохожие в летних платьях и рубашках с короткими рукавами.

Якименко смотрел в окно.

— Лагерь имени Ковпака. Пионерский, ведомственный, закрытый. Есть дети из семей руководящего состава области. Остальные путевки распределяют по линии обкома комсомола среди отличников учебы. Взрослые там держат строй. Все четко, никаких вольностей.

Помолчал. Будто взвешивал слова.

— Руководство просило без шума. Насколько это возможно.

Туманский смотрел на дорогу.

— Понял. Значит, если в нашем деле появится труп, хоронить будем тихо. Без оркестра.

Водитель, не отрываясь от руля, бросил через плечо:

— Там у них один вожатый... Джон. Он лагерь держит, как в кулаке. Вы первым делом его допросите.

Якименко поморщился. Фраза была лишней, но он промолчал.

Туманский же заострил на этом внимание. «Джон» — прозвище, не имя. Кто-то выделяется. Авторитет? Может, слишком большой, раз водитель счел нужным упомянуть.

— Это кто?

Якименко вздохнул:

— Вожатый старшего отряда. Никифор Степанович Гузь. Работает в лагере уже четвертый год. Дети его слушаются, родители довольны. Директор на него молится.

— Почему Джон?

Водитель усмехнулся:

— Говорят, похож на Джона Леннона. Ну и манеры такие... западные.

Туманский промолчал. В голове уже крутилось: почему местные просят «без шума»? И что за человек этот Никифор, если его имя всплывает первым?

— Трое пропавших — из его отряда?

— Двое из его, из «Чижей», один из параллельного, из «Соколов». Но все трое дружили, — Якименко повернулся к Туманскому. — Пропали позавчера вечером. После отбоя их недосчитались. Обыскали весь лагерь, всю округу. Ничего.

— Родители в курсе?

— Пока нет. Директор сказал, что сообщит, когда будет хоть что-то определенное. Родители... специфические. Один из мальчиков — сын заместителя председателя облисполкома.

Туманский понял. Вот почему «без шума». Вот почему Москву подняли так быстро.

Сбоку послышался легкий шорох — Валя открыла блокнот. Туманский краем глаза заметил, как Воронов подвинулся ближе к ней. Она, не поднимая головы, отодвинулась к окну, насколько это было возможно.

Город остался позади, и машина свернула на проселочную дорогу. За окнами потянулись поля, перелески, редкие хутора. Воздух становился легче, но в салоне «Волги» по-прежнему было душно.

Якименко обернулся:

— Я вам все покажу на месте. Документы, опись. Вещи мальчиков на месте, постели не тронуты. В общем, пацаны будто испарились.

— Версии?

— Местные думают, что сбежали. Может, домой захотели. Но трое сразу? И потом — как? Лагерь охраняется, территория закрытая. Через ворота они точно не прошли.

— А через забор в лес?

— Скорее всего, так. Лес большой. Мы прочесывали с собакой. Ничего.

Туманский смотрел на дорогу. Три мальчика не могли раствориться в воздухе. Значит, либо их увели, либо они сами ушли и хорошо спрятались. Но зачем?

Сзади снова шорох. Валя что-то писала. Воронов сидел неподвижно, глядя в окно, но рука

его лежала на спинке сиденья слишком близко к Валиному плечу.

«Волга» проехала еще километров десять, потом свернула на узкую дорогу, обсаженную соснами. Впереди показались ворота с вывеской: «Пионерский лагерь имени Ковпака». Рядом стоял часовой — парень лет двадцати, в форме охраны.

Якименко показал пропуск. Ворота открылись.

Лагерь большой: несколько деревянных корпусов, выкрашенных в зеленый, спортивная площадка, флагшток с красным флагом, стадион, клуб, столовая. На дорожках — ни души. Тишина, несвойственная месту, где должны быть дети.

Туманский спросил:

— Где все?

— Отряды на занятиях. Мы попросили директора не распускать детей до вашего приезда. Чтобы не разнесли слухи.

Машина остановилась у административного корпуса. Туманский вышел первым. Потом Воронов. Потом Валя. Она поправила юбку и посмотрела на Воронова. Тот все еще стоял с протянутой рукой, чтобы помочь ей выйти.

Якименко пошел к крыльцу. Туманский задержался, оглядывая территорию. Лагерь ухоженный, чистый. Но в воздухе висело что-то напряженное. Будто все здесь ждали чего-то неизбежного.

Водитель остался у машины, закуривая. Туманский обернулся:

— Этот Джон сейчас в лагере?

Водитель выдохнул дым.

— Куда ж он денется. Он тут всегда.

Туманский поднялся по ступенькам. За ним неторопливо следовали Воронов и Валя. Он не оборачивался, но знал: Воронов идет слишком близко к ней, а Валя слишком старается этого не замечать.

Дверь в административный корпус открылась. На пороге появился человек в белой рубашке и брюках защитного цвета. Лицо усталое, глаза встревоженные. Небольшого роста, сухощавый, с залысинами, которые он пытался скрыть, зачесывая волосы набок. На переносице — очки в тонкой оправе, стекла чуть запотели от жары. Руки нервные: то складывал их на груди, то опускал, то снова поднимал, будто не знал, куда их деть.

— Я директор лагеря Шевчук. Проходите, пожалуйста. Я вам все покажу.

Говорил он быстро, сбивчиво, будто отрепетировал эту фразу заранее, но все равно получилось неловко. На воротничке рубашки темнел след от пота, несмотря на прохладу в коридоре. Туманский заметил, как Шевчук вытер ладонь о брюки перед тем, как протянуть руку для рукопожатия.

— Максим Туманский, следователь прокуратуры. Это оперуполномоченный Воронов и эксперт Грайва.

Шевчук пожал руки всем троим — быстро, влажно, будто торопился закончить церемонию. Взгляд его метался между лицами, не задерживаясь ни на ком дольше секунды.

— Я подготовил все документы. Списки детей, график смен вожатых, план территории. Все, что может понадобиться.

Он говорил, не переводя дыхания, и Туманский понял: этот человек боится. Не за детей. За себя. За лагерь. За то, что произошло на его территории.

— Хорошо, — спокойно сказал Туманский. — Покажите нам сначала спальный корпус, где жили пропавшие мальчики.

Шевчук дернулся, будто его толкнули.

— Да, конечно. Сейчас. Только... — он замялся, поправил очки. — Только, пожалуйста, без лишнего шума. Дети уже и так напуганы. Родители звонят. Я им пока ничего конкретного не могу сказать.

Туманский посмотрел на него внимательно. Шевчук отвел глаза.

— Мы понимаем, — сказал Туманский. — Но нам нужны ответы на вопросы. И чем быстрее мы их получим, тем лучше для всех.

Шевчук сглотнул. Кадык дернулся под кожей.

— Да. Конечно. Я понимаю. Идемте.

Он развернулся и пошел по коридору. Шаги его были частые, мелкие. Туманский шел следом, Воронов и Валя — за ним.

Туманский успел заметить: на запястье у Шевчука поблескивают дорогие часы, швейцарские. Редкая штукавина для обычного директора пионерского лагеря. И еще — на безымянном пальце след от кольца или перстня, который недавно сняли.

Туманский переступил порог кабинета. Прохлада обволокла его, как вода. Но в голове крутилось: «без шума», «Джон», «держат строй», «трое детей исчезли без следа».

Дело только начиналось. А Туманский уже чувствовал: здесь каждый что-то скрывает.

* * *

Кабинет директора был советским до последнего гвоздя: массивный письменный стол с зеленым сукном под стеклом, на нем телефон-«вертушка», чернильный прибор, папки-скоросшиватели с приказами и графин с водой; за спиной Шевчука на стене висел портрет Брежнева, чуть левее — карта СССР, справа — доска почета с выцветшими фотографиями лучших отрядов, а рядом с ней на стене был закреплен наполовину высунутый из ножен инкрустированный кинжал; книжный шкаф был забит

собранием сочинений Ленина и подшивками «Вожатого»; в углу на тумбочке — переходящее Красное знамя с бахромой; на стене напротив висел выцветший от солнечных лучей плакат «Пионер — всем ребятам пример!»; на полке у окна — сувениры с Черного моря, поделки из шишек. В воздухе пахло канцелярской бумагой, старым деревом и нафталином от ковра под ногами — все здесь дышало казенной правильностью и абсолютной уверенностью в том, что так и должно быть.

Валя зашла в кабинет следом за Туманским и вдруг почувствовала — что-то знакомое. Не запах, не звук. Что-то другое. Может, свет, падающий на выкрашенные стены. Может, тишина, которая давила на уши.

Она остановилась на секунду. Воронов обернулся:

— Что-то не так?

Валя покачала головой.

— Нет. Все нормально.

Но это была неправда. Что-то было не так. Что-то тянуло ее назад, в детство, в те летние дни, когда она отдыхала на берегу Оки. Тоже в пионерском лагере, тоже в закрытом. Но там не все дети были обычными.

Там было несколько мальчиков, которые боялись всего.

Она машинально прошла к окну, стараясь не вспоминать об этом. Но мысль уже зацепилась,

как крючок, и не отпускала. Мальчик, который всего боялся. Плохо говорил по-русски. Вообще мало говорил. Взрослые объясняли задачу: их надо приучить к нашему образу жизни. Заставить радоваться. Петть песни. Смеяться. Валя тогда изо всех сил старалась раскрыть этого мальчика. Но он оставался злобным, лживым волчонком. Завистливым. Жадным.

Она помотала головой, прогоняя воспоминание.

Воронов снова взглянул на нее:

— Валь, ты точно в порядке?

— Да садись уже! — бросила она резко и сама села на стул у стены, достала блокнот. Она дышала тяжело и часто, еще не понимая, почему это место так ее задело. Что-то здесь было. Что-то старое. Что-то, о чем она давно забыла.

Или пыталась забыть.

Глава 2

ПОЧТИ ДЖОН ЛЕННОН

— **П**окажите ключи от хозяйственных помещений, — попросил Максим.

Он произнес это буднично, но Шевчук дернулся. Полез в карман пиджака, потом вспомнил про другой, потом начал шарить по внутренним карманам, где связки не было и быть не могло. Наконец хлопнул себя по бокам и выдал:

— Ключи у старшего вожатого. У Джона. То есть, извините, у Никифора. Он за дисциплину отвечает, он все держит.

Якименко сделал вид, что не слышит. Воронов не удержался:

— У директора лагеря нет ключей от служебных помещений?

— У нас распределение, — пояснил Шевчук. — Чтоб не таскали все кому не лень. И вообще, — спохватился он. — Сейчас я позову Никифора.

Туманский остановил его: